

М. В. Любичев

КОНТАКТЫ СЛАВЯН ДНЕПРО-ДОНЕЦКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ХАЗАРИИ В КОНЦЕ VII – НАЧАЛЕ VIII вв.

Историки, занимавшиеся проблемой возникновения Древнерусского государства, всегда обращали внимание на контакты некоторых восточнославянских племенных союзов с хазарами и на их роль в формировании государственности у восточных славян. Отправной точкой для исследователей служило сообщение летописца под 859 г., что «козари имаху на поляхх и на северях и на вятичах имаху по белей веверице от дыма» [1, с. 18]. Специалисты отмечали ограниченность наших сведений о распространении Хазарского государства на север от Кавказа [2, с. 228], на их противоречивость, что не позволяет считать русские летописи бесспорным во всех отношениях источником по истории славяно-хазарских отношений [3, с. 77]. Анализ письменных источников не давал возможности определить также время, когда того-восточные восточнославянские племена принуждены были платить дань хазарам. Следует лишь констатировать, что в IX в. мы уже застаем это явление [4, с. 116]. Возможности письменных источников по изучению славяно-хазарских отношений в пред- и раннегосударственный периоды к началу XX века были исчерпаны. Дальнейшая разработка этого вопроса могла продолжаться лишь с привлечением источников археологических. Территориальная близость и политическая экспансия Хазарского каганата должны были отразиться не только в известных сообщениях летописи об уплате славянскими племенами дани хазарам, но и в археологических источниках [5, с. 152]. Исследованием Верхнесалтовского могильника и городищ возле города Ромны в начале нынешнего столетия было начато археологическое изучение славянского юго-востока и Северо-Западной Хазарии VIII – X вв. [6; 7]. Накопление археологических источников привело к выделению роменской и салтовской культур, к делению последней на локальные варианты [8; 9; 10]. Вследствие этого контакты северян (посетителей роменской культуры) и населения Хазарского каганата (посетителей салтовской культуры) стали фиксироваться археологически. В верхнем течении Донца в ряде пунктов зафиксировано одновременное существование в непосредственной близости салтовских и раннеславянских роменских поселений, например в Мохначе и Коробовых хуторах. Высококачественная салтовская лощеная керамика, амфоры и отдельные металлические изделия встречаются в небольшом количестве на многих роменских поселениях [11, с. 290-291]. В 40-60-е годы контакты славян и населения Северо-Западной Хазарии могли рассматриваться в археологическом отношении, роменско-боршевская культура — салтовская культура. С. А. Плетнева сочла своеобразие салтовской культуры верховьев Северского Донца результатом близкого соседства со славянскими племенами [12, с. 83]. Оно заключалось в распространении у салтовцев жилищ-полуземлянок (в том числе и с печами), небольших городищ, некотором сходстве салтовских кухонных горшков со славянскими, появлении погребений по обряду кремации [12, с. 84, 91, 93-94]. С выделением вольщевской культуры [13; 14], ее

и
а
т
а
т
с

интерпретацией как раннего этапа северянской вольщевско-роменской культуры, обнаружением салтовских вещей на подобных памятниках [15] славяно-хазарские* контакты могли рассматриваться на уровне, вольщевская культура — салтовская культура и хронологически опущены ниже. Возникла даже периодизация славяно-хазарских взаимоотношений рассматриваемого региона, где первые два этапа — это контакты вольщевцев и салтовцев, конец VII — середина VIII вв. (поздний горизонт Хитцы, сооружение 9 Вовков, некоторые комплексы Вольщеве); начало VIII — первая треть IX вв. (Битица, Токари, Сосница, поздний горизонт Вольщеве) [16, с. 159-160].

До недавнего времени значительная часть ареала славянского расселения в Днепродонецком междуречье, а именно бассейн Северского Донца и Оскола с притоками, была неизученной территорией в отношении славяно-хазарских контактов в дороменское время. Эта территория не входила в вольщевский ареал; роменские памятники появляются здесь с середины IX в. Верховья Северского Донца и Оскола были крайней восточной территорией громадного пеньковского ареала, достигавшего на западе течения Прута. Известна и традиционная датировка пеньковских памятников, V-VII вв. [17, с. 27; 18, с. 15]. С началом целенаправленного изучения пеньковских памятников на Донце возник вопрос о возможности салтово-пеньковских контактов. Салтовская керамика обнаружена на различных участках в культурном слое поселений Запки [19; 20], Сухая Гомольша [21]. На Дмитриевском могильнике салтовской культуры были изучены семь урновых трупосожжений, которые интерпретируются как пеньковские [22, с. 108-118]. Однако вопрос о наличии салтово-пеньковских контактов вызвал к себе различное отношение.

Согласно В. В. Седову и Г. Е. Афанасьеву, салтовские поселенцы столкнулись в лесостепи с большим массивом пеньковского населения, вследствие чего происходила инфильтрация славян в салтовскую среду [17, с. 21; 23, с. 152-153]. В результате появляются салтовские могильники типа Сухой Гомольши с обрядом трупосожжения [24, с. 44]. Следствием прихода салтовских племен в бассейн Донца Е. А. Горюнов считал этнокультурный сдвиг славян на север [25, с. 90; 26, с. 3-7]. О. А. Цеглова понимает «этнокультурный сдвиг» как вживание пеньковских элементов в близкую колочинскую среду [27, с. 20-21]. С. А. Плетьева отрицает подобное явление, поскольку, по ее мнению, у местного населения не было противоречий с пришедшими салтовцами. Более того, формируется новая группа населения, в которую входят славяне, аланы и праболгары [28, с. 269].

Нахождение салтовской керамики в культурном слое пеньковских селищ не может служить показателем контактов носителей двух культур, для этого необходимы совместные находки вещей и керамики в закрытых комплексах. Важную роль играет соотношение пеньковской и салтовской керамики в слоях их заполнения, в особенности на полу. Салтовская керамика совместно с пеньковской обнаружены в некоторых жилищах Сухой Гомольши, в комплексе Тимченков (урочище Тарапцево), Соколово, Введенки, Нижнего Бишкица I, Питницкого. Опубликованные материалы четырех жилищ Сухой Гомольши (№ 2-5) не содержат информации о салтово-пеньковских контактах [21]. В связи с этим следует отметить, что отдельные фрагменты салтовской керамики встречались в верхних слоях заполнения жилища 4, ямы 4, а также в культурном слое. Более того, мелкие фрагменты не позволяют восстановить пеньковские керамические комплексы объектов, за исключением жилища 5. Здесь они типичны для пеньковской культуры периода ее расцвета, биконические горшки с отогнутым венчиком, округлобокие горшки баночного профиля, горшки-«зерновик» с массивным налетным валиком под венчиком. Такие комплексы в Среднем Приднепровье были характерны до наступления сажовского этапа (середина VII в.) с присущим ему резким увеличением количества округлобоких горшков [29, с. 43-47, рис. 1, 2]. От данного комплекса резко отличаются материалы полуземлянок 8 и 9. Кроме округлобоких форм, присущих пеньковской культуре и преобладающих на заключительном этапе ее существования (рис. 3, 1, 3, 7; 4, 1-3, 6), там имеются горшок с резким изгибом в верхней части высоты и отогнутым венчиком с ямками (рис.

* Речь идет не о контактах славян и непосредственно хазар, а славян и населения Северо-Западной Хазарии.

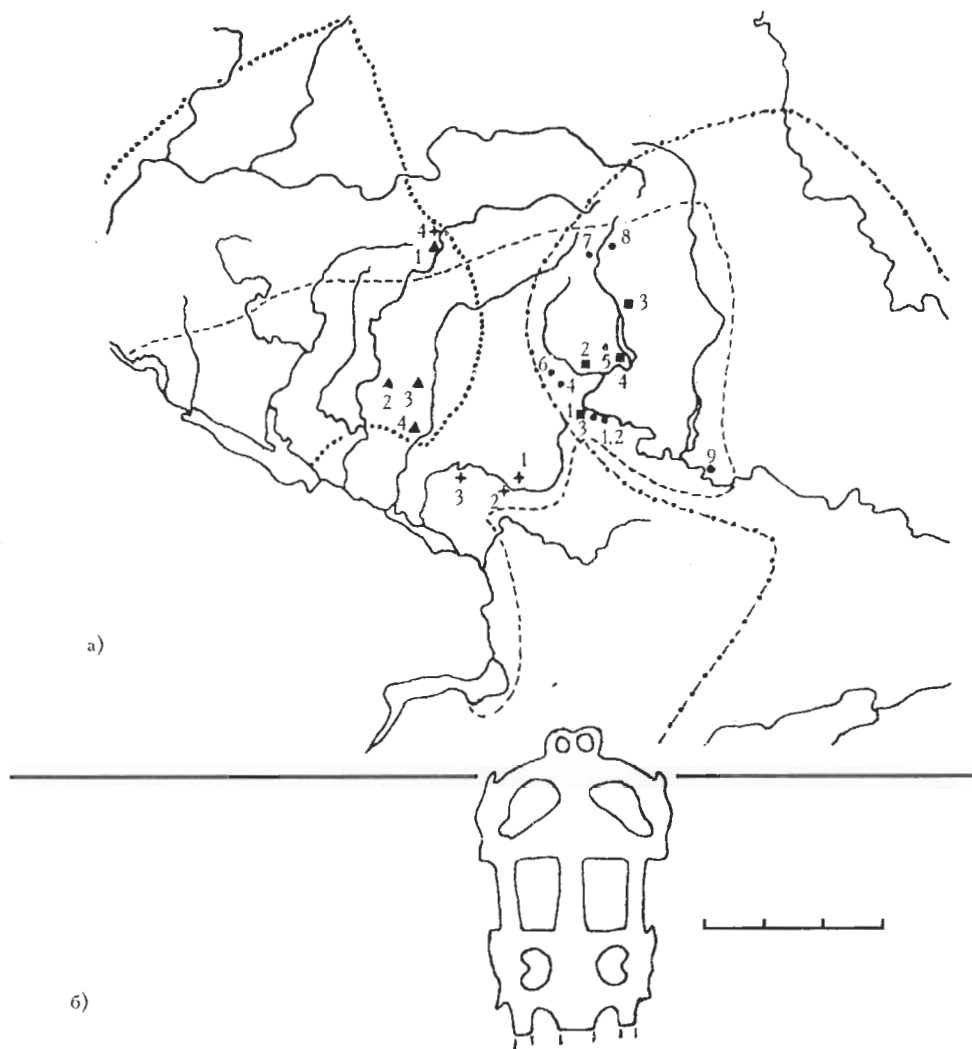

Рис. 1. Этнокультурная ситуация в Днепро-Донецком междуречье в конце VII - начале VIII вв. (а), антропоморфная фибула из 21 катакомбы Старосалтовского могильника (б).

Условные обозначения:

- - - - - ареал пеньковской культуры;
- ..... ареал волынецкой культуры;
- · - · - - - - ареал салтовской культуры;
- - памятники, на которых отмечены салтово-пеньковские контакты или позднепеньковские памятники:
- 1, 2 - Нижний Бишкин
- 1, 2, 3 - Сухая Гомольша;
- 4 - Соколово;
- 5 - Пятницкое;
- 6 - Тимченки;
- 7 - Шюссейнос;
- 8 - Дмитривский могильник;
- 9 - Богородичное (жилище 2, яма 24);

- - салтовские могильники и отдельные погребения по обряду трупосожжения:
  - 1 - Сухая Гомольша;
  - 2 - Новопокровка;
  - 3 - Тополи;
  - 4 - Кочеток;
- ▲ - салтовские поселения в глубине волынецкого ареала:
  - 1 - Вовки;
  - 2 - Белокопи;
  - 3 - Лаврики;
  - 4 - Чередики;
- + - юртообразные сооружения кочевников на пеньковских и волынецких поселениях:
  - 1 - Чернечина;
  - 2 - Богатое;
  - 3 - Осиповка;
  - 4 - Битица.

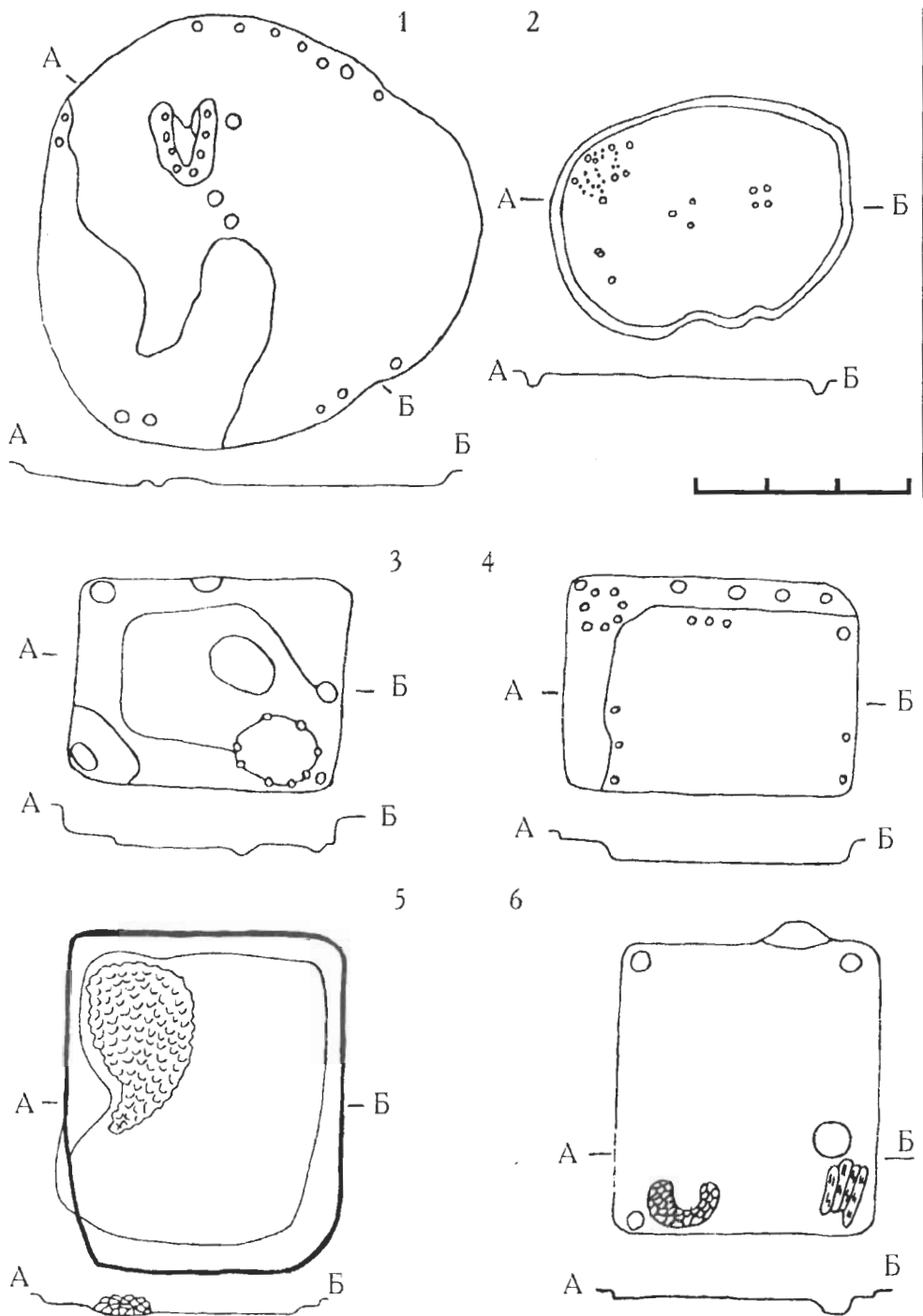

Рис. 2. Юртообразные сооружения из Чернечины (1), Основки (2), производные от них полуземлянки из Чернечины (жидице 3) (3) и Богатого (жидице 5) (4), полуземлянка 8 из Сухой Гомольши (5), полуземлянка 1 из Соколово (6).

и
р
а
г
а
р
с

3, 4, 6), округлобокие горшки с вертикальным венчиком, украшенным ямками или насечками по краю (рис. 4, 7). Они характерны для области салтово-пеньковского пограничья в бассейне Дона. В жилище 9 встречен фрагмент нижней части горшка, вся поверхность которого покрыта штрихами (рис. 4, 4). Подобные формы известны в Сухой Гомольше, Занках, но культурную интерпретацию их мы пока дать затруднимся. Из жилища 8 происходят фрагменты горшков, украшенных резными линиями в виде дуг, сходящихся кривых линий (рис. 3, 5). На Дону подобные горшки встречены на Кобыковом городище [30, с. 42, рис. 21], а также составляют третью группу керамики Саркела, которая названа С. А. Плетевой «керамикой кочевых народов IX-XII вв.». Горшки принадлежат к «ямному» культурному слою и датируются IX в. [31, с. 234, рис. 19, 5; с. 237, рис. 23, 3, 4; с. 241, рис. 27, 9]. Салтовская керамика в жилищах представлена фрагментами кухонных горшков и амфор.

На селище Соколово в полуземлянке 1, перерезавшей другое жилище, пеньковская керамика также находилась совместно с салтовской в заполнении, на полу и на основании печи. Пеньковская керамика представлена фрагментами биконических и округлобоких горшков, типичных для данной группы древностей (рис. 5, 2-9). В ямах обнаружены биконические горшки с пеньковским венчиком, миски с изгибом тулова на середине высоты и отогнутым венчиком (рис. 5, 1, 10, 11). На поселении Тимченик пеньковская и салтовская керамика встречены совместно в яме 5 и культурном слое. В качестве датирующих находок из селища происходит часть бронзовой антропоморфной фибулы, трехлопастный наконечник стрелы [32, с. 33-36]. В пеньковском керамическом комплексе Тимченик представлены биконические, округлобокие, бабочные, раскрятого профиля горшки и фрагмент колочинского двилцдро-конического горшка. На поселении Нижний Бишкин I мелкие фрагменты пеньковской и салтовской керамики были встречены в заполнении и на полу жилища 1 [33, с. 2-3]. На поселении салтовской культуры Пятницкое пеньковская керамика найдена в жилище 2. Особенно привлекает внимание фрагмент биконического горшка с отогнутым венчиком и лощеной поверхностью [34, с. 122, рис. 3, 1]. На селище Введенка пеньковская и салтовская керамика находились совместно возле надвальной печи-каменки, рядом лежала амфора с бороздчатой поверхностью без верхней части, приспособленная под кухонный сосуд [35, с. 6-7].

Жилища, содержавшие пеньковскую и салтовскую керамику, представляли собой полуземлянки с глубиной пола 0,1-0,5 м от уровня материка и размерами стен в среднем 2,6 х 3,3 м. Жилище 8 Сухой Гомольши имело наклонные к полу стенки по периметру, остальные сооружения — отвесные прямые стенки. В отличие от всех жилищ, имевших печи в углу, объект из Нижнего Бишкина отличался наличием очага в средней части. Жилища 8, 9 Сухой Гомольши, Нижнего Бишкина, 2 Пятницкого имели срубную конструкцию стен, а жилище 1 Соколово — столбовую (рис. 2, 5, 6).

Салтовская керамика из описанных комплексов представлена кухонными горшками, сделанными на поворотном столе и орнаментированными горизонтальными или волнистыми линиями по тулову, зубчатым штампом по краю венчика, фрагментами лощеных кувшинов, аналоги которым имеются на многих салтовских памятниках [36, рис. 15, 1, 2; рис. 13, 6, 8; 37, с. 111, рис. 26, 4-6; с. 117, рис. 29, 6-8], и амфор с ровной, бороздчатой и украшенной зональным рифлением поверхностью.

А.З. Вишников в подтверждение своего тезиса об отсутствии следов салтово-пеньковских контактов на поселениях в бассейне Дона приводит положение о том, что пеньковская культура была неоднородна и включала в себя степные кочевнические элементы, которые называют «салтоидными», хотя сама салтовская культура сложилась позже [38, с. 125-126]. Керамика, находившаяся совместно с пеньковской в комплексах и описанная выше, является салтовской. Она представляет массовый материал на салтовских поселениях и могильниках, и поэтому нет оснований считать ее какой-то особенной «салтоидной». Действительно, контакты славян-пеньковцев и кочевников имели место на границе степи-лесостепи Днестро-Донецкого междуречья еще до формирования салтовской культуры, но в керамических комплексах пеньковских селищ, в том числе и в Поорелье, не удастся выделить «кочевническую» керамику, ибо весь керамический набор характерен для пеньковских памятников от Прута до Оскола

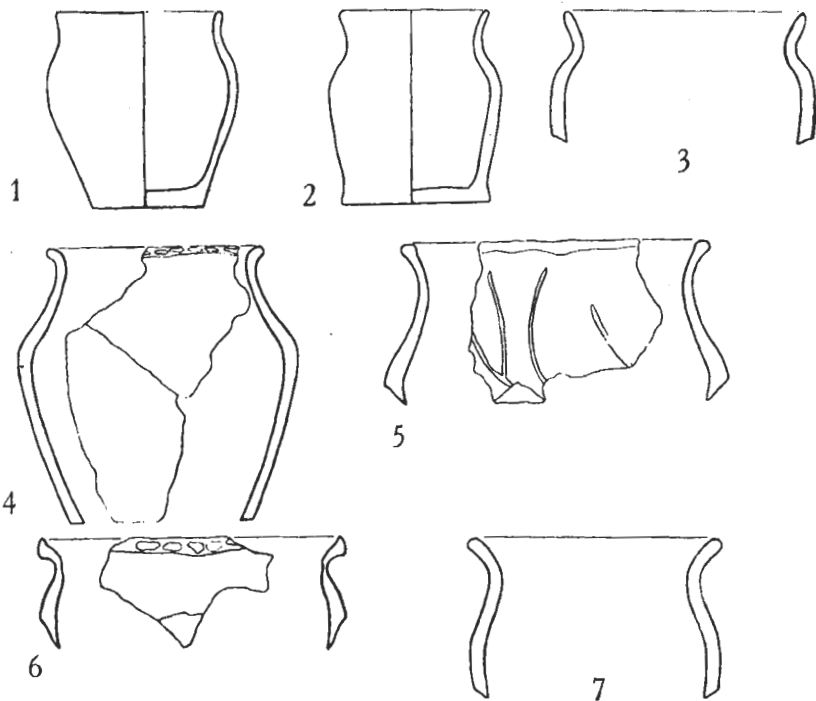

Рис. 3. Керамический комплекс жилища 8 Сухой Гомольши.

Кочевническая керамика IV – VII вв. очень плохо известна, речь идет о находках отдельных горшков, например из Сивашовки, Черноморского [39, с. 102, рис. 18, 23, 24], Богачевки, Айвазовского [40, с. 20, рис. 6, 3-5]. Подобные примеры весьма немногочисленны и происходят из погребений кочевников. Действительно, данная керамика имеет сходство с некоторыми пеньковскими округлобкими горшками, однако в комплексах Сухой Гомольши, Тимченков, Нижнего Бишкина, Введенки, Пятницкого, Соколово мы имеем дело с типичной салтовской керамикой.

О салтово-пеньковских контактах свидетельствуют трупосожжения на Дмитриевском могильнике. В погребении 1 роль сосуда-приставки к урне, которой являлся лепной биконический горшок с псевдыделенным венчиком, выполнял салтовский пифос, изготовленный на гончарном круге [22, с. 117, рис. 4]. В погребении 136 могильника Сухой Гомольши подобный пифос уже выполнял роль урны [41, с. 161, рис. 2, 19]. Следовательно, в описанном погребении Дмитриевского могильника урной служил горшок, который был характерен для пеньковской культурной среды, а приставкой являлся сосуд, типичный для салтовской культурной среды. Рядом, в погребениях 2-4, 6, 7, урнами являлись лепные пеньковские горшки, а в погребении 5 кальцинированные кости были сыпаны в так называемый «кочевнический» горшок вытянутой яйцевидной формы, который прикрыт цилиндро-коническим горшком, характерным для колочинской культуры [22, с. 117, рис. 5]. Перечисленные факты говорят о семи дмитриевских погребениях как свидетельствах вживания славян-пеньковцев в среду населения Северо-Западной Хазарии. Вывод исходит даже не из факта нахождения трупосожжений вблизи катакомбных и ямных погребений салтовской культуры, а непосредственно из анализа инвентаря самих погребений. В этой связи привлекают внимание погребения по обряду трупосожжения в области салтово-маяцкой культуры верхнего течения Северского Донца. Это отдельные трупосожжения с набором вооружения, конской сбруи, предметов быта у слободы Тополи [42], Пятницкого

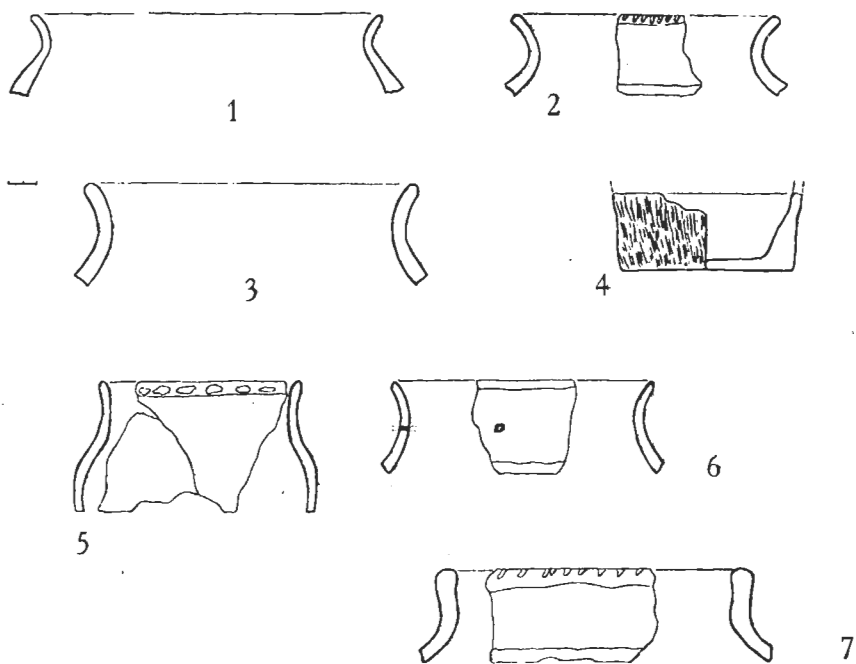

Рис. 4. Керамический комплекс жилища 9 Сухой Гомольши.

[43], Кочетка [44]. Возле Новопокровки остатки кремации вместе с обожженными вещами были помещены в заранее приготовленные ямки. Около некоторых погребений находились тайнички, содержащие поврежденные огнем украшения, предметы вооружения и быта [45]. Самым ярким представителем данной группы памятников является могильник Сухой Гомольши, содержащий 320 погребений по обряду трупосожжения на стороне. Ямные погребения составляют 55,5%, остальные — урновые [41, с. 158-159]. Форма и орнаментация подавляющего числа урн чисто салтовская, но некоторая часть горшков по форме напоминает керамику пеньковского и ромеиского типов [46]. Подобные погребения и могильники паходятся в салтово-пеньковской контактной зоне, за исключением третьей части Борисовского и подобных ему могильников на Северном Кавказе [47]. Со славянами их сближает обряд трупосожжения на стороне с помещением остатков кремации в ямку или урну. Обряд был присущ носителям культур, отождествляемых со славянами, зарубицкой, киевской, пражско-корчакской, пеньковской, вельицневской на протяжении I тыс. [48, с. 27-28]. Но остатки кремации сопровождают типичный для салтовской культуры инвентарь. И это обстоятельство не позволяет уверенно и бесспорно отождествить подобные погребения с носителями пеньковской культуры в условиях салтовского окружения. Погребения, подобные новопокровским или сухогомольшанским, встречены и глубоко в лесостепи. На Битицком городище остатки трупосожжения в полуземлянке 29 были помещены в гончарный сосуд вельицневского типа, к которому устанавливались восемь серпов и долото. На слое пережженных костей под урной обнаружены обломки железного клепанного котла, два железных стремена, бусины и прошивка [49, с. 8-9]. Трупосожжения, помещенные в гончарные мощные горшки с высоким прямым венчиком, характерны для вельицневской культуры, но битицкий комплекс отличается нахождением в погребении котла и стремян, что характерно для северодонецких погребений. В настоящее время невозможно уверенно определить этническую принадлежность погребенных в вышеописанных комплексах;

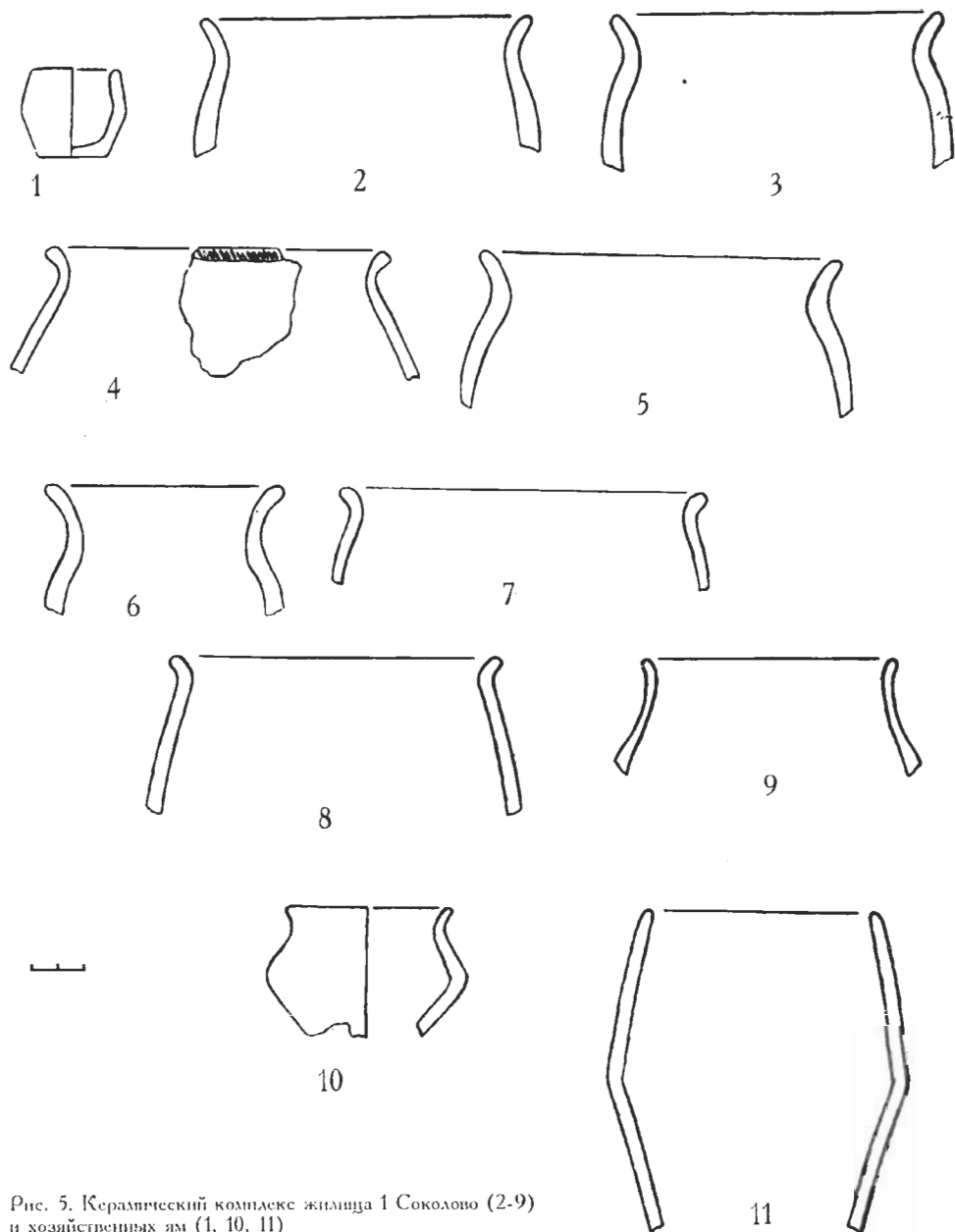

Рис. 5. Керамический комплекс жилища 1 Соколово (2-9) и хозяйственных ям (1, 10, 11)

для этого необходимо хотя бы первоначальное исследование пеньковских могильников, особенно на стадии контактов с салтовцами. На наш взгляд, появление подобных трупосожжений с салтовским инвентарем отражает вживание оставшегося пеньковского населения в салтовскую среду или наличие в Северо-Западной Хазарии какого-то неизвестного нам этноса, помимо хазар и болгар [50, с. 72].

Контакты славян и жителей Северо-Западной Хазарии проявились в появлении на пеньковских селницах юртообразных сооружений. Подобные конструкции обнаружены на поселениях Богатое, Черпеччина, Осиповка, расположенных на р. Орель. Юртообразное

сооружение из Осиповки наиболее примитивно по своему интерьеру (рис. 2, 2). Оно имеет в плане овальную форму (4,0 x 2,8 м), углублено в материк на 0,1 м. На полу находились куски обожженной глины и угли, посередине просматривалось темное пятно очага. Пол жилища ограничен капавкой шириной 0,2-0,3 и глубиной 0,2 м [51, с. 75-108]. Подобного вида сооружение известно также в Стедовке на Днепровском Правобережье [52, с. 23, рис. 1, 8]. Постройка 18 селища Луг I отличается лишь наличием ямы под центральный столб и ямок вдоль стен для кольев [53, с. 204, рис. 28, 3]. Более сложным было устройство юртообразных сооружений Богатого и Чернеччины (рис. 2, 1). Они не имели капавки, ограничивающей по кругу пол, ибо он углублен на 0,2 м от уровня материка, и по этому признаку жилища приближались к полуземлянке. Сооружение из Чернеччины имело в плане округловытянутую форму диаметром 6,3 м, 14 ямок для жердей по кругу, 3 столбовые ямки по центру. Большую часть его площади занимало возвышение на 0,05 м, возле которого находились остатки очага в виде тарелкообразного пятна размером 1,05 x 0,85 м с восемью ямками от кольев по периметру. Размещение ямок для жердей показывает, что очаг находился напротив входа [54, с. 5]. Юртообразное сооружение Богатого имело форму окружности диаметром 4,4 м, ямки от жердей находились вдоль стены, вход оборудован ступенями [55, с. 4]. В области салтовской культуры подобные по конструкции юртообразные сооружения были известны на Правобережном Цимлянском городище, Дмитриевском селище [37, с. 55, рис. 11, 7, 9-11; 28, рис. 15]. С. А. Плетневой удалось проследить эволюцию легкой наземной юрты в углубленное юртообразное сооружение с каркасными стенами. Подобная эволюция прослеживается и на примере вышеописанных сооружений. Наиболее близко к юрте сооружение Осиповки, и вытекает эволюционный ряд по своей углубленности и сложности интерьера жилища из Чернеччины. Нахождение юртообразных сооружений кочевников на одних поселениях с земледельцами свидетельствует о существовании в славянском обществе территориальной общины, в состав которой могли входить разноэтничные элементы [56, с. 193-194]. Кочевники оседали не только на пеньковских селищах, расположенных в степи на южной границе ареала культуры, но и проникали достаточно глубоко в лесостепь (рис. 1, 1). На Бигицком городище вольтынской культуры наряду с типично славянскими полуземлянками исследованы юртообразные сооружения, едва углубленные в землю, с ямками от жердей по периметру и очагами на глиняной подсыпке или камешно-черепковой вымостке в центре [49, с. 8].

Проживание кочевников в славянской земледельческой среде, нахождение их в рамках одной территориальной общины влияло на переход к оседлости, занятию земледелием и способствовало дальнейшей эволюции жилища от юртообразного углубленного к полуземляночному. На наш взгляд, подпрямоугольными в плане полуземлянками, производными от юртообразных сооружений, являются жилища 2 — 4 Чернеччины и 5 Богатого (рис. 2, 3, 4). Они имели столбовую конструкцию стен, вдоль большей части их периметра находились уступы-лежапки. В жилище 5 Богатого, кроме столбовых ям, сохранилось 6 ямок для жердей. Очаг находился в углу. В жилищах 3 Чернеччины и 5 Богатого очаги ограждались по кругу 7-8 кольями. Сама прямоугольная форма полуземлянки, несомненно, взята у соседей-славян, но в интерьере сохранились типично кочевнические черты: очаг, огражденный кольями (хотя он уже и перенесен в угол), большие уступы-лежапки, жерди для усиления столбовых конструкций. Эти жилища деталями интерьера отличаются от славянских полуземлянок с очагами в центре или печью в углу. Подобные жилища были исследованы на памятниках салтовской культуры, в частности на Маяцком селище [23, с. 58, рис. 38; с. 69, рис. 46].

Несомненно, что начало пеньковско-салтовских контактов относится ко времени появления салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца. Согласно сложившемуся представлению, салтовские поселения и городища возникают здесь в 50 — 60-е годы VIII в. [28, с. 169]. Эта дата с начала нашего столетия определяется по находкам арабских дирхемов на памятниках и по корреляции некоторых групп вещей. Например, из Верхнесалтовского могильника происходит около тридцати дирхемов второй половины VIII — начала IX вв. [37, с. 140]. Верхняя хронологическая граница пеньковской культуры

традиционно определяется второй половиной VII в. [57, с. 163; 58, с. 11]. Наиболее поздними пеньковскими объектами в бассейне Дюцца являются жилище 1 Соколово, жилища 8, 9 Сухой Гомольши, жилище 2, яма 24 Богородичного [59, с. 11]. Их керамический комплекс по преобладанию округлобоких горшков над биконическими напоминает саховские памятники Среднего Поднепровья, которые унаследовали определенные пеньковские черты. Комплексы Соколово и Сухой Гомольши заставляет считать их более поздними и наличие в них салтовской керамики. На селищах Тимченки, Пузипо, Хитцы, Миклашевский найдены фрагменты антропоморфных, пальчатых и звериноголовых фибул, тонких проволочных и толстых с расширяющимися концами браслетов [32; 60; 61, с. 124, рис. 3, 12; 25, с. 80, рис. 29, 2, 5; с. 130]. Данные вещи имеются в наборах кладов середины — третьей четверти I тыс. н. э. от Руси до Оскола, в том числе Новоодесского, Козиевского, Харьковского, Колосковского, Валуевского, Цеплевского. После пахождения клада данного круга на пеньковском селище Вильховчик [62, с. 90-91, рис. 6] окончательно доказана их пеньковская принадлежность, что подтверждают и приведенные выше находки вещевого материала на поселениях. Верхняя граница существования вещей из состава кладов может быть верхним рубежом пеньковской культуры. Тем более, что некоторые исследователи считают причиной зарытия кладов начало хазарской экспансии [26, с. 3-7]. Опираясь на материалы крымских могильников Лучистое, Суук-Су, Эски-Кермен, время бытования пальчатых и производных от них фибул с кружевом из птичьих головок на верхнем штилке определяется второй четвертью — концом VII в. [63, с. 185, рис. 10, 2, 3; с. 186-188; 64, с. 5-9; 65; с. 5-12]. Антропоморфные и звериноголовые фибулы датируются серединой — концом VII в. За пределы VII в. не выходит и пальчатая фибула дунайского типа, обнаруженная на селище Черкасский Бишкис [66, с. 139, 143, табл. 1, 8]. Детали поясного набора кладов, в том числе и геральдические пряжки, тонкие проволочные браслеты и массивные браслеты с утолщенными концами, существовали в течение VI — VII вв. [67, с. 29; 68, с. 41, табл. 19, 5, 67]. В течение второй четверти — конца VII в. существуют очковидные и спиралевидные подвески. Лишь железные трехлопастные черешковые наконечники стрел аварского типа, находимые на поселениях, продолжают бытовать и в VIII в. [69, с. 54], но из-за своего широкого распространения они не могут быть точным хронологическим индикатором. Таким образом, верхняя хронологическая граница пеньковской культуры, в том числе и в бассейне Северского Дюцца, не выходит за пределы VII в. Но зарытие «аптских» кладов не означало прекращения функционирования всех пеньковских селищ, о чем говорит совместное нахождение пеньковской и салтовской керамики в некоторых жилищах обеих культур. В этой связи вызывает интерес находка антропоморфной фибулы (рис. 1, 2) в катакомбе 21 Старосалтовского могильника*. Эта вещь пеньковского круга древностей явно своеобразна в среде салтовского инвентаря катакомбы. Время бытования фибулы выходит за пределы VII в., хотя вещь могла стать архаизмом и время существования данного экземпляра не могло соответствовать бытованию всего типа вещи.

Таким образом, учитывая саховский облик керамических комплексов пеньковских жилищ с салтовской керамикой, а также верхние рубежи существования датирующихся вещей, начало пеньковско-салтовских контактов следует относить к концу VII — началу VIII вв. «Этнокультурный сдвиг» части славян-пеньковцев на север имел локальный, а не всеобщий характер, поскольку наличие салтовских и пеньковских материалов в одних комплексах свидетельствует о продолжении проживания славян на старых местах в условиях пахождения на территории Хазарского каганата. Пока невозможно ответить на вопрос о том, как долго сохраняли славяне-пеньковцы свое культурное своеобразие в керамике и в употреблении некоторых украшений.

* Фонды Харьковского исторического музея (КС 137/51). Раскопки 1989 г. Любезно предоставлено нам В. Г. Бородулиным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. — СПб., 1910.
2. Грушевський М. І. Історія України-Русі. — Київ, 1991. — Т. 1.
3. Рыбаков Б. А. Русь и Хазария // Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. — М., 1952.
4. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. Т. 1—2. — М., 1988. — Кн. 1.
5. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья — Киев, 1975.
6. Бабенко В. А. Памятники хазарской культуры на юге России // Труды 15 АС. — 1914. — Т. 1.
7. Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907-1909 гг. // ИАК. — 1911. — Вып. 43.
8. Ляпушкин И. И. Раднесплавянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // СА. — 1952. — Т. 16.
9. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. 1940. — Т. 6.
10. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. — 1958. — № 62.
11. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962.
12. Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подолия со славянами в VIII — IX вв. // СА. 1962. — № 1.
13. Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках вольщевского типа // СА. — 1959. — Т. 29 — 30.
14. Юренко С. П. Население Днепровского Левобережья в VII — VIII вв. // Труды V МКАС. Киев, 1988. — Т. 4.
15. Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках вольщевского типа // Археологич. памятн. эпохи железа восточноевроп. лесостепн. — Воронеж, 1987.
16. Приймак В. В. Про деякі шгания слов'яно-салтівських стосунків на Лівобережжі Дніпра // Охорона та дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.
17. Седов В. В. Восточные славяне в VI — XIII вв. // Археология СССР. — М., 1982.
18. Приходнюк О. М. Славянское население Юго-Восточной Европы V — VII вв. (пеньковская культура): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Киев, 1985.
19. Дьяченко А. Г. Работы славянского отряда // АО 1976 г. — М., 1977.
20. Дьяченко А. Г. Исследования славянских памятников в бассейне Северского Д о н ц а // АО 1977 г. — М., 1978.
21. Михеев В. К., Приходнюк О. М. Пенькинские поселения на Северском Днпці // Археологія. — 1986. — Вып. 54.

22. Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. — М., 1972.
23. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII — X вв. // Археологич. откр. на повостройках. — М., 1987. — Вып. 2.
24. Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья — Приазовья в VIII — X вв. // Археология слав. юго-востока. — Воронеж, 1991.
25. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — Л., 1981.
26. Горюнов Е. А. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // КСИА. — 1987. — Вып. 190.
27. Цеглова О. А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волящевского типа // КСИА. — 1986. — Вып. 187.
28. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. — М., 1989.
29. Приходнюк О. М., Казанський М. М. Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясмині // Археологія. — 1978. — Вып. 27.
30. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 131.
31. Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. — 1959. — № 75.
32. Берестнев С. И., Любичев М. В. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы // Археол. слав. юго-востока. — Воронеж, 1991.
33. Любичев М. В., Михеев В. К. Отчет об исследовании поселения Нижний Бичкин I в 1992 г. Харьков, 1993. (Архив АМ ХГУ).
34. Крыганов А. В. Памятник салтово-маяцкой культуры у села Пятнишкое на Харьковщине // Вестн. Харьк. ун-та. — 1992. — № 362, История, — Вып. 25.
35. Михеев В. К., Любичев М. В. Отчет о работе Введенского отряда Средневековой археологической экспедиции ХГУ в 1990 г. — Харьков, 1991. (Архив АМ ХГУ).
36. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985.
37. Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142.
38. Винников А. З. Контакты донских славян с алаво-болгарским миром // СА. — 1990. — № 3.
39. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. — Киев, 1985.
40. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — Киев, 1990.
41. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. — 1986. — № 3.
42. ОАК за 1891 г. — СПб, 1893.
43. Шрамко Б. А. Погребение VIII — X вв. у с. Пятнишкое Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983.
44. Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. — 1984. — № 42.

45. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. — 1951. — Вып. 41.
46. Дестярь А. К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье // Вестн. Харьк. ун-та. — 1981. — № 214.
47. Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе 1911-1912 гг. // ИАК. — 1914. — Вып. 56.
48. Отроценко В. В., Моця О. П. Обряд кремации у стародавнього населення території України (V тис. до н. е. — I тис. н. е.) // Археологія. — 1989. — № 2.
49. Сухобоков О. В., Юренко С. П. Битицьке городище VIII ст. н. е., перспективи вивчення // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. — Суми, 1993.
50. Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
51. Приходнюк О. М. Новые данные о пеньковской культуре // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. — М., 1990.
52. Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине // РВД. — Л., 1974.
53. Березовец Д. Т. Поселения улчей на Тясмине // МИА. — 1963. — № 108.
54. Юренко С. П. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр — Донбасс» в 1974 г. Полтава, 1975. (НА ИА АНУ. — 1974/1В).
55. Юренко С. П. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр — Донбасс» в 1973 г. Полтава, 1974. (НА ИА АНУ. — 1973/6В).
56. Приходнюк О. М. Общественно-хозяйственная структура славянских поселений // Труды V МКАС. Киев, 1988. — Т. 4.
57. Приходнюк О. М. Пеньковская культура // Археология УССР. — 1986. — Т. 3.
58. Седов В.В. Проблема происхождения и начальной истории славян // Историко-археологическое изучение Древней Руси. — Л., 1988.
59. Приходнюк О. М., Швецов М. Л. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. — Киев., 1989 (НА ИА АНУ. — 1989/3Г).
60. Шрамко Б.А. Раннеосредневековые поселения в Більську // Археологія. — 1980. — Вып. 35.
61. Николаенко А. Г. Припоскольская лесостепь в I тыс. н. э. // Иссл. памяти археол. Вост. Европы. — Воронеж, 1988.
62. Приходнюк О. М. Археологічні розвідки в Пороссі // Археологія. — 1979. — Вып. 31.
63. Айбабин А. И. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Труды V МКАС. Киев, 1988. — Т. 4.
64. Айбабин А.И. Погребения конища. VII — первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи вел. пересел. народов. — М., 1982.
65. Амброз А.К. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. — М., 1988.

66. *Гавришук И.О.* Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древн. Сев. Кавказа и Причерноморья. — М., 1991.
67. *Дьяченко А.Г.* Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использ. методов естеств. наук в археол. — Киев, — 1978.
68. *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии // САИ. — 1979. Вып. — Е1-2.
69. *Ауліх В.В.* Зимнівське городище. — Київ, 1972.

S U M M A R Y

The archaeological sources play great part in studying of slavonic-khazarian altitudes in the 7-10th cc. Connections between bearers of the Penkov and the Saltov cultures are fixed in the population of the North Donets: Sukhaya Gomolsha, Nizhniy Bishkin, **Tinchenki**, Sokolovo, Pyatnitskoe.

The Penkov and the Saltov ceramics has been found in the dwellings of these small villages.

The dwellings of nomads were situated near the slav dwellings on the bank of Oral (Bogatoe, Osi povka, **Chernechelina**) in Bititze.

Connections between the Saltov and the Penkov cultures date from the end of the 7th. - the beginning of the 8th centuries.